

Введение

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	1
I. Причины восстания	1
II. Средняя Азия накануне восстания	1
III. Восстание в Узбекистане	1
IV. Восстание в Киргизии	1
V. Восстание в Казахстане	1
VI. Восстание в Туркмении	1
VII. Итоги и выводы	3

35187

ГБ КИРГИЗСКОЙ ССР
1981
им. В. Г. Чернышевского

Стр

Летом 1916 г. в Средней Азии началось восстание туземного населения против гнета царской России. Восстание охватило районы Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизии, захватило часть Сибири, отзвуки его докатились до степей Калмыкии, отдельные вспышки были среди мусульманских народностей Северного Кавказа. Местами восстание длилось более полугода, и в нем приняли участие огромные массы туземцев. За все время владения среднеазиатскими колониями б. Российская империя не знала восстания подобного размаха: это была первая крупная колониальная революция XX века.

Несмотря однако на значительность происшедших в 1916 г. событий и их 15-летнюю давность, вопрос о среднеазиатском восстании до настоящего времени не разработан во всем его объеме. Наиболее полно освещены события, происходившие в 1916 г. в теперешних республиках Узбекистане и Киргизии. Что же касается Казахстана и Туркменской ССР, а также событий, которые происходили в то время в Калмыкии и среди отдельных народностей Северного Кавказа, то они освещены чрезвычайно бедно, и поэтому полной картины восстания 1916 г. мы до сих пор не имеем. В связи с этим пробелом затрудняется отпор кулацким толкованиям и оценкам происшедших в 1916 г. событий. Это особенно ярко вскрылось во время празднования в 1926 г. советскими восточными республиками 10-летия восстания.

Перед нами например постановление общего собрания граждан Покровского общества Токмакской волости (Киргизия) от 15 августа 1926 г., в котором говорится:

Признать восстание 1916 года национально - буржуазно - басмаческим, недостойным революционных почестей и обжаловать, в случае проведения празднования в жизнь, Центральной власти Советов, как истинной защитницы революции.
17/III 1926 г. ¹

¹ Из копий архивных материалов, переданных мне на заседании в Ком. академии 19 февраля 1931 г.

В той же волости граждане села Ивановского 15 августа на общем собрании вынесли следующее решение:

Обсудив данный вопрос и вспоминая 1916 кровавый год, постановили: в 1916 г. сентября 10 дня, около 10 часов утра, 5000 верховых киргизов на лошадях направились на село Ивановку, угнали много скота, сожгли 62 двора, убили около 30 человек мужчин, одну женщину и девушку В Саламатину изнасиловали, закололи пиками, вяли в плен мальчика Григория Широченко, девушку Татьяну Пашнину, Екатерину Велецких и мальчика Осипа Гоячарова, таковые и до сих пор находятся в плену.

Граждане села Ивановского просят киргиз пожалеть тех родителей и восстановить¹ этих пленных, каковые по слухам проданы в Китайские пределы, по слухам, эти пленные до сего времени томятся в отдаленных глухих местностях.

Женщину Харитину Zubову изрубили совместно с мужем, от которых остались четверо сирот, каковые до сих пор скитаются по чужим людям. Одна из них девочка умерла с голоду. Убитых трупы были страшно изуродованы, очевидно, что людей не сразу убивали, а долго мучили. Тяжело вспоминаем и сожалеем о гибели невинных людей.

Подлинный подписали:

Председатель собрания П. Маклаков, член П. Столбовой, секретарь И. Кузин².

В таком же роде имеются отзывы и других сельских и волостных исполнительных комитетов из Фрунзенского округа.

Словом, почти все русские села, пострадавшие от восстания 1916 г., в один голос считают, что это восстание было „буржуазным, национально-родовым, басмаческим“.

Так юбилейные дни революционных событий могли послужить и послужили поводом для контрреволюционной агитации, для разжигания национальной ненависти между туземным населением и русскими крестьянами, переселенными сюда помещиками.

Уже это одно обстоятельство ставит перед нами задачу популяризации правильных сведений о восстании, особенно для районов с отсталым русским крестьянским населением. Надо разъяснить всем и каждому, что восстание в 1916 г. в Ср. Азии—это была война местного туземного населения, война за свою землю, за возможность жить, война угнетенных с угнетателями, причем в этой войне не обошлось без жертв. На „войне, как на войне“. Верно, что киргизы жгли поселки русских крестьян и убивали их, но также верно и то, что при подавлении восстания русские войска сожгли еще большее число туземных кишлаков и аулов, убили

¹ Так в подлиннике.

² Из тех же материалов.

массу восставших узбеков, таджиков, киргиз, казаков, других коренных жителей Ср. Азии.

Почему нападали туземцы на русских крестьян, которые чаще всего переселялись в Ср. Азию из-за нужды, из-за безземелья и малоземелья у себя на родине? Туземцы не очень-то разбирались в политике русских помещиков, путем переселения спасавших свои земли от захвата их крестьянами. В их глазах русские крестьяне переселенцы являлись захватчиками земель, ворами и грабителями, с которыми нужно было бороться из-за своей земли не на жизнь, а на смерть. Таким образом русские переселенцы крестьяне—хотели они этого или нет—попадали в одну группу с угнетателями туземного населения, против которых коренные жители и вели войну.

Современная борьба на Востоке зачастую напоминает события, которые имели место в Средней Азии в 1916 г. Поэтому изучение восстания в колониях быв. Российской империи представляет большой интерес и многое может дать для понимания событий, развертывающихся ныне в колониях мирового капитала.

Однако опыт восстания в Средней Азии 1916 г. нельзя механически переносить на революционные события на Востоке в наше время. Непременно следует учитывать своеобразие местных условий и различие в конкретной обстановке. Поэтому выводы в нашей книжке ограничены, но общие законы национальных освободительных движений, которые выяснились в восстании 1916 г. в Ср. Азии могут и должны войти в инвентарь нашей революционной борьбы.

I. ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

Толчком к восстанию в 1916 г. послужило опубликование указа о наборе населения окраин в тыловые дружины. Однако это обстоятельство ни в коем случае нельзя считать основной причиной восстания 1916 г. Восстание имело более глубокие причины, которые коренились во всей колониальной политике русского империализма.

В этой политике необходимо различать отдельные этапы. Первый относится к середине XIX в., когда началось решительное продвижение русских войск в оазисы Средней Азии. Это была эпоха Севастопольского разгрома, эпоха убудочной реформы 60-х гг. Крепостнические отношения этой реформы не были уничтожены целиком: помещикам обеспечивалось достаточное число „отработчиков“ арендаторов-крестьян. Сохранение за помещиками огромного количества земель означало вечную кабалу, худший вид эксплуатации ограбленного реформой, забитого, голодного русского крестьянина.

Половинчатый характер реформы, знаменовавший собою соглашение между помещичье-феодалными и промышленно-капиталистическими классами, связывал производительные силы, вел к загниванию сельского хозяйства России. Это в свою очередь вело к сужению внутреннего рынка, необходимого для развития промышленности.

Хозяйственный тупик внутри страны толкал к захвату колоний, в которых во всю ширь могли проявиться грабительские таланты как военно-феодалной клики, так и молодой русской промышленности. Средняя Азия представляла лакомый кусок и манила русских промышленников как источник сырья для текстильного производства. Тем более, что в это время происходила война между южными и северными штатами Америки, и прекращение подвоза в Европу американского хлопка вызывало затруднения в работе и русских фабрик.

К этому же лакомому куску тянулись и жадные руки Англии, подбравшейся к нему со стороны Персии и Афганистана. Нужно было спешить с организацией военного похода на мирные народы

Средней Азии, которые уже были связаны с Россией давнишними торговыми отношениями. Русские войска легко одолели плохо обученных солдат Кокандского и Хивинского ханов с их кремневыми и фитильными ружьями.

Все эти ханства были тогда небольшими феодальными государствами, которые постоянно дрались между собой. В кочевых районах Казакстана и Киргизии, захваченных еще ранее узбекских и туркменских земель, существовал ранний феодализм, который в лице разного рода ханов, князьков, манапов жестоко эксплуатировал трудящиеся массы кочевников, сохранивших еще некоторые формы родового строя. При такой раздробленности государственной власти в Ср. Азии захват отдельных районов русскими войсками был не труден, и завоевание очень быстро было закончено.

В Ср. Азии воцарились русские помещики. В первую очередь они старались извлечь прибыль как из кочевого скотоводства, так и из оседлого земледелия и ремесла народов Ср. Азии. Царские генералы, захватив Туркестан, создали здесь сотни новых доходных мест для разного рода вырождков дворянской России, и „господа ташкентцы“, как пиявки, высасывали из туземного населения все, что было возможно. Сейчас же после завоевания в Ср. Азии начался захват земель местного населения. В первую очередь были ограблены земли у местных феодалов и отчасти у духовенства, причем эти земли перешли в непосредственное ведение царствующего дома. Часть земель попала в руки местных сатрапов, а на остальной части стали селиться русские переселенцы, или же происходила их сдача в аренду местному населению от имени казны.

Таково было внутренне содержание колониальной политики в Туркестане в первый период после его завоевания.

На этом первом этапе захвата Ср. Азии в колониальной политике русского царизма вполне отчетливо определилась „военно-феодалная“ линия, как преобладающая.

Второй этап колониальной политики в Ср. Азии, начиная с 80-х гг., в значительной степени определялся интересами русского промышленного капитала, главным образом ситцевых фабрикантов, которые обратили особое внимание на Ср. Азию, как на район, откуда можно было добывать хлопок. С этого времени усиливается введение американских семян в среднеазиатское хлопководство, и все наиболее подходящие районы постепенно превращаются в хлопковые оазисы, из которых идет, непрерывно увеличиваясь, вывоз огромного количества хлопкового волокна.

Нельзя сказать, чтобы в это время были оттерты от жирного пирога и представители правящего класса России—помещики. Продолжая свою старую политику ограбления колоний, они вместе с тем усиливали переселение в Ср. Азию огромного количества

крестьян из центральных и южных губерний, где в это время начинает остро ощущаться аграрный кризис и вместе с тем огромное недовольство крестьян крепостническими пережитками. Крестьянское движение против помещиков в начале XX в. повело к еще более усиленному переселению крестьян в ту же Ср. Азию.

Необходимо отметить, что на плечах военно-феодалной клики в Туркестане закреплялся и русский торговый капитал, явившийся проводником промышленных изделий центральной России на вновь завоеванном рынке. Вместе с тем торговый капитал скупал здесь скот и разного рода продукты скотоводства, которые шли в качестве сырья для промышленных предприятий центральной России. Торговый капитал вел также торговлю сырьем и полуфабрикатами среднеазиатского ремесла.

Постройка железных дорог, которая была предпринята на втором этапе колониальной политики правящих кругов России, еще больше усилила связь промышленного и торгового капитала со среднеазиатским рынком и обеспечила им возможность эксплуатации в наибольшей степени.

Вступление России в стадию финансового капитализма повело к значительному повышению капиталистической эксплуатации колоний Ср. Азии. Здесь был организован ряд банков, охвативших своим влиянием прежде всего наиболее ценную отрасль сельского хозяйства — хлопок, — и переработки его производных продуктов (очистка хлопка, хлопковые маслобойные заводы и т. д.).

Все среднеазиатское хлопководство велось на мелких раздробленных участках и стояло на чрезвычайно низком техническом уровне, держась исключительно на мускульной силе дехканина.

Рост хлопчатобумажной промышленности в метрополии требовал все большего и большего количества сырья. Усиление производства хлопка достигалось страшным напряжением человеческого труда, полным истощением всех физических и умственных сил дехканина, вечно болеющего, вечно голодного, неграмотного. Развитие товарного хозяйства вызывало потерю мелкими хозяйствами своих земель и вело к закабалению масс хлопкоробов у местных кулаков „баев“. Баи, пользуясь моментами острой нужды в деньгах дехкан, выдавали им ссуды под ростовщические проценты, отнимая от запутавшегося в долгах хлопкороба землю и превращая его в своего вечно „издольщика“. Во главе этой системы эксплуатации туземцев стояли крупные банки метрополии, протянувшие свои щупальцы из всех главных городов края...

Местная буржуазия также получала свою долю участия в грабеже населения и, приспособившись к новым формам эксплуатации, превратилась в тот тип буржуазии на Востоке, который теперь часто называют „компрадорским“.

Безудержная эксплуатация дехканства как со стороны русского капитала, так и туземного, подрывала производительные силы края. Хлопководство перед войной было загнано в тупик, оно не могло развиваться и шло к упадку. Та же система эксплуатации, какая имела место в хлопководстве, происходила и в других отраслях сельского хозяйства, как-то: в садоводстве, виноградарстве и шелководстве. Кризис сельского хозяйства Средней Азии был одной из основных причин взрыва, который и грянул в виде восстания 1916 г.

Развитие местной промышленности искусственно тормозилось промышленным капиталом центральной России, что особенно ярко бросалось в глаза в той же хлопчатобумажной промышленности. В крае допускалось устройство лишь таких предприятий, которые не создавали конкуренции капиталистами метрополии. Это искусственное торможение развития производительных сил края характерно для колониальной политики вообще и вело к чрезвычайной задержке роста промышленности края, а тем самым к незначительному числу местного пролетариата. Туземный пролетариат в крае был весьма незначителен и например в такой отрасли, как железные дороги, рабочая сила вербовалась главным образом из русских.

Что касается скотоводческих районов, то здесь система эксплуатации была несколько иного типа. Здесь местное население находилось в зависимости у пришлых скупщиков скота и продуктов скотоводства. Казакский и киргизский торговый капитал играл здесь такую же подчиненную роль, как и в хлопководстве, и исполнял поручения более богатых русских и ферганских скупщиков. Капиталистические отношения проникли в Казакстан и Киргизию с изменением феодализма в лице манапов и ханов, которые переродились в особый тип капиталистов, эксплуататоров кочевых масс населения.

В связи с развитием капиталистических отношений в кочевых районах наблюдается стремление местного населения перейти к оседлому земледелию. Но этому чрезвычайно мешала политика переселения русских крестьян. У местного населения отбирали лучшие земли. Так за время с 80-х гг. прошлого столетия до 1917 г. 40 млн. га лучших земель было отнято у казаков для колонизации. Казаки вытеснялись русскими колонизаторами в бесплодные пески и горы, где можно было вести лишь кочевое хозяйство. Завоеватели края, русские правящие круги, абсолютно не заботились о том, чтобы улучшить оросительную систему в тех районах, где было возможно оседлое земледелие. Таким образом туземное сельское хозяйство не имело никаких возможностей развиваться. Происходило обнищание туземного населения, его кабальная зависимость от туземных ростовщиков, а через них от представителей торгового капитала

других национальностей, скупавших продукты производства населения. Обнищание широких масс трудящегося населения выражалось в том, что они, теряя скот, превращались в закабаленных полурабов. Многие из туземцев переходили в батраки к русским переселенцам, являясь той рабочей силой, которая создавала богатство русским крестьянам, выходцам из центральных губерний.

Власть в крае находилась в руках военных представителей русского правительства и гражданской администрации, которые также грабили население по „закону“ и без всякого „закона“. Если в метрополии после реформы 1861 г. прямое взяточничество преследовалось, как преступление, то в Ср. Азии оно было обычным явлением: взятки брали все, начиная с городского и кончая генерал-губернатором. Поборы взымались по всякому поводу и часто принимали характер самого откровенного грабежа. Ни одного дела нельзя было провести ни в одном учреждении, не подмазав хорошо чиновников правительственного аппарата. Взятки были широко распространены и в торговле и в промышленности.

Поборы практиковались не только русской администрацией, но и выборными туземными администраторами, которые также брали с населения определенную „мзду“ по всякому поводу и безо всякого повода. Некоторые из должностей по размеру получаемых взяток были настолько выгодны, что за них велась борьба между отдельными лицами, претендовавшими занять то или иное место. С этой целью кандидаты на должности во время избирательной кампании тратили значительные суммы для подкупа голосов, устраивали разного рода празднества и угощения для широких масс населения, с которых потом все эти расходы взымались сторицей. Весь аппарат власти, снизу доверху, как пришельцы, так и туземцы, был связан с экономической эксплуатацией края и пользовался всеми способами, чтобы больше грабить население. Увеличение налогов и податей „на законном основании“ также было не малым средством наживы для чиновников и военных сил, которые держали край „в повинности“. Расходы на агрономию, на просвещение были крайне ничтожны. Край оставался поголовно безграмотным. В нем не прекращались эпидемии, эпизоотии и т. д.

Русских переселенцев администрация рассматривала как одну из сил, которая обеспечивала ее господство. Один из военных сатрапов говорил: „каждый русский переселенец равносителен батальону солдат“. В конце 90-х и в начале 900-х гг. русским переселенцам было роздано оружие, которое предполагалось пустить в ход в случае недовольства туземного населения. На складах имелось несколько десятков тысяч ружей, ими предполагалось вооружить до 30 тыс. переселенцев, которые должны были составить резерв для регулярных войск на случай восстания туземцев.

Все это вместе взятое и создало такое положение в крае, что указ 25 июня 1916 г. о призыве туземцев на тыловые работы оказался спичкой, поднесенной к пороховому погребу.

Чем же было вызвано издание этого указа?

В это время русская армия переживала чрезвычайные затруднения. Прекрасно вооруженная технически, хорошо организованная австро-германская армия теснила русские войска и продвигалась все дальше и дальше внутрь России. Миллионы русских рабочих и крестьян, которые были брошены в кровавую бойню, не могли заслонить своими телами продвижение вражеских армий. Русскому правительству приходилось изыскивать все новые и новые массы пушечного мяса, которым оно пыталось остановить продвижение врага.

Мобилизовать в действующую армию туземцев Ср. Азии и других кочевых народов на востоке России было бы трудно и бесполезно, так как эти народы еще меньше, чем русские, были приспособлены к ведению войны в тех условиях, в которых она проходила. И тогда был придуман особый метод использования этих народов для тыловых работ, что освобождало бы русских от этих работ и давало возможность перебросить их в действующую армию. Планы царского правительства о призыве туземцев в Ср. Азии на тыловые работы были рассчитаны на большие массы, причем в одном Туркестане предполагалось набрать до 200 000 человек молодежи.

Любопытно отметить, что опубликованный царским правительством указ о наборе в тыловые дружины совершенно не учитывал момента сбора урожая. Очевидно разгром русской армии на фронте ставил царское правительство в такое положение, что считаться с этим обстоятельством ему не приходилось. Выступавшие в Государственной думе представители конституционно-демократической партии указывали правительству на нарушение прав Думы, так как указ о наборе в тыловые дружины был проведен без ее участия. Кадеты в данном случае выступали в защиту интересов промышленного капитала, заинтересованного в сборе хлопка. Однако было бы неправильно думать, что русская буржуазия была вообще против набора в тыловые дружины. Наоборот, на заседании Государственной думы 13 декабря 1916 г. буржуазия в лице прогрессистов заявила: „Государственная дума неоднократно указывала правительству ненормальность того положения, при котором инородцы Ср. Азии и Кавказа не несут воинской повинности“. Государственная дума требовала, чтобы в этой войне инородцы, наравне со всеми гражданами, несли тяжесть „повинности кровью“. Царизм собственно и шел по тому пути, который указывала ему промышленная буржуазия. Он только повел дело хитрее: туземцы забирались не в солдаты, а в тыловые дружины. Но туземцы хорошо понимали, что царский приказ о мобилизации на тыловые работы

есть лишь первый шаг к налогу кровью, тем более что такого рода наборы туземцев Туркмении и кавказских народов, из которых были образованы своеобразные колониальные войска, были уже фактами.

Интересно еще отметить, что приказ о мобилизации туземцев в Ср. Азии на тыловые работы был несколько неожидан для местной администрации. Он был проведен слишком спешно и поставил администрацию и население края в затруднительное положение. При отсутствии посемейных списков, при отсутствии регистрации населения по возрастам, требование выставить на работы мужское население края от 19-ти до 31-летнего возраста представляло огромнейшие технические трудности. Население же особенно остро почувствовало тяжесть набора потому, что главная масса рабочей силы должна была быть занята на работах по реализации урожая.

Указ о наборе в тыловые дружины был встречен населением теперешних республик Востока СССР дружным и бурным протестом.

II. СРЕДНЯЯ АЗИЯ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Почему же восстание поднялось не раньше и не позже лета 1916 г.? Почему оно охватило только определенные районы, приняв различные формы требований, методов борьбы, длительности и т. п.? Чтобы ответить на все эти вопросы, нужно еще раз приглядеться к экономической и общественной жизни Ср. Азии накануне восстания.

Двухлетнее участие России в империалистической войне не могло не оказать влияния на экономическое положение края. В хлопководных центрах Ср. Азии это сказалось особенно ярко. Падение ввоза хлопка в Россию из-за границы привело к чрезвычайному обострению положения с хлопковым сырьем для всей хлопчатобумажной промышленности России. Между тем уже с сентября 1914 г. хлопчатобумажные фабрики были загружены заказами интенданства, все запасы тканей были распроданы. Для изготовления новых партий товара недоставало только хлопка, цены на который поднялись в июне 1915 года до 31 руб. за пуд.

В августе 1915 г. московские хлопчатобумажные фабриканты, торгующие фирмы и банки „нормировали“ цены на среднеазиатский хлопок в 1485 руб. за тонну, что означало неожиданное снижение цен на хлопок. Это снижение совпало также с усиленным повышением цен на хлеб и сильно ударило по интересам хлопководов.

Соотношение цен между хлопком-сырцом и пшеницей в 1914 г. было таково: 1 т хлопка равнялась по стоимости 2,2 т пшеницы;

в 1916 г. это соотношение уже было 1 : 2,7. Цены на мануфактуру повысились на 270 %, а на хлопок только на 50 %. К зиме 1915/16 г. это несоответствие еще больше возросло. Нормировка хлопка дала московским фабрикантам в течение хлопкового сезона 1915 г. свыше 400 млн. руб. прибыли, хлопководство же Туркестана потеряло, по сравнению с американскими ценами на хлопок, свыше 60 млн. руб.

Вздорожание шло и по другим статьям расходов хлопковода. Так цена на рабочий скот к весне 1916 г. поднялась с 50 до 200 рублей за голову. Кроме того населению приходилось также платить военный налог в размере $\frac{1}{10}$ части своего дохода. Таким образом в 1916 год хлопководы вступили с очень нарушенным равновесием своего бюджета.

Весной 1916 г. среди хлопководов началось брожение, они отказывались сеять хлопок из-за низких цен на волокно. Были пущены в ход все усилия к тому, чтобы площадь посева по хлопку в 1916 г. не сокращалась, но все же в ряде районов эти посевы были уменьшены.

Кризис в хлопковых культурах в Ср. Азии, о котором говорилось выше, в течение всего 1916 г. углублялся еще тем, что в этом году в крае образовался огромный недостаток местного хлеба из-за маловодья, отрицательно сказавшегося также на урожае хлопка и других с.-х. культур. Снижение сбора волокна с десятины в 1916 г. против 1915 г. достигало свыше 100 % на десятину. Этот удар по дехканскому хозяйству Ср. Азии обнаружился как в узбекских, так и в туркменских районах.

Развал железнодорожного транспорта, характерный для второго года войны, создал огромный недостаток промышленных товаров для населения. Цена хлеба перед восстанием повысилась до 34 коп. за килограмм.

В кочевых районах положение дела обострялось в связи с реквизициями скота. Недостаток товаров, шедших из метрополии и особенно потребных в сельских районах, был добавочным поводом, который вызывал недовольство населения. Кроме нормировки цен на хлопок, общего вздорожания жизни и недостатка предметов первой необходимости, недовольство населения усиливалось разного рода военными поборами, а также и враждой между русскими и туземцами из-за воды, вследствие попыток русских переселенцев использовать свое привилегированное положение в отношении пользования водой.

Ряд банкротств, происшедших в годы войны, разорил отдельные группы дехкан-хлопководов, связанных с обанкротившимися фирмами. В хлопковых районах не хватало рабочих, которых снимали для постройки новых ж. д. и новых оросительных каналов. Об этих каналах особенно хлопотали московские хлопчатобумажные фабри-

кайты, заинтересованные в усиленном развитии среднеазиатского хлопководства.

Повышение цен на рис, который также вывозился для нужд армии, сильно ударило по питанию местного населения. Усиленный вывоз хлопкового масла создал в Ср. Азии недостаток жиров; изношенное за годы войны оборудование хлопкоочистительных заводов и маслобоек понижало производительность предприятий, вызывая повышение цен на продукты и отставание реальной заработной платы рабочих. Интересно отметить, что среди рабочих и ремесленников в крупных городах в начале 1916 г. отмечается некоторое брожение на почве дороговизны, недостатка продуктов и топлива. В ряде городов из-за недостатка продуктов у продовольственных лавок образовывались хвосты покупателей, которые приходилось разгонять чуть ли не силой. В некоторых областях замечалось обострение взаимоотношений между населением и администрацией края из-за захвата земель, которые отводились для нового хлопководства (Голодная степь).

Ввиду роста цен на хлеб, усилилось со стороны русских переселенцев стремление к захвату кочевых приволий. Возник ряд серьезных конфликтов из-за земельных участков, которые переселенцы отнимали у казаков и киргиз. Обострение отношений происходило также вследствие усиления эксплуатации переселенцами киргизских батраков и бедноты, нанимаемой вообще на самых тяжелых условиях. Скупка у казаков необходимого кожевенного сырья, столь нужного для армии, проводилась за бесценок, также по нормированным ценам, как и за хлопок, причем спекулянты скупали его еще дешевле нормы, между тем продукты промышленного производства кочевники получали все время по высоким ценам. Это несоответствие вызывало огромное недовольство населения. Мобилизация лошадей в тех же кочевых районах сыграла также немаловажную роль в цепи поводов к восстанию 1916 г. Под видом благотворительных пожертвований на нужды войны у населения брали не только деньги, но и продукты; собирались миллионы рублей, причем часть в виде особых доходов оставалась в Туркестане, часть же отправлялась в Петроград, в виде взяток высокопоставленным лицам.

Как велика была выкачка богатств Туркестана во время войны, говорят и официальные данные. В рапорте на имя царя ген. Куропаткин, усмиритель восстания 1916 г., подсчитывает, что в течение войны было отправлено из Туркестана нужного для армии груза: хлопка на 41 млн. руб., кошмы 50 тыс. т, мыла 3 800 т, мяса 5 тыс. т, рыбы 8 тыс. т, клецевины до 1 тыс. т, верблюдов—12 800, повозок—270, юрт—13 441 шт. и т. д.

Поборы на нужды войны вымогались с местного населения

в условиях общего кризиса, и это было одним из очень серьезных поводов к восстанию 1916 г.

В Казакских районах в общем происходили те же явления, что и в Туркестане. Здесь площадь посева озимых хлебов еще в 1915 г. сильно сократилась, в отдельных нередких случаях на $\frac{1}{3}$, наполювину и даже на $\frac{2}{3}$ ее обычных размеров. Неурожай 1915 г. в самом Казакстане, а также недород 1916 г. в Тургайской области и Оренбургской, Акмолинской и Семипалатинской губ. обострили продовольственное положение в крае. Постоянные реквизиции скота в Казакстане для нужд армии, особенно усилившиеся в 1915—1916 гг. также вызывали ухудшение экономического положения населения. Участвовавшие столкновения с русскими переселенцами, захватчиками казакских земель, были одним из звеньев общих причин восстания 1916 г.

В Закаспийской области, теперешней Туркмении, в хлопководных районах эти общие причины и поводы к восстанию 1916 г. были те же, что и в Ферганской и Сыр-Дарьинской областях Туркестана. В скотоводческих районах Туркмении движение захватило особенно сильно иомудов, скотоводов-кочевников из пограничных с Персией районов, и разгорелось главным образом в связи с захватом их земельных площадей переселенцами. На почве захвата этих земель и воды между переселенцами и коренными жителями Туркмении происходила все время ожесточенная вражда, осложнявшаяся тем, что русское правительство использовало это столкновение, как повод для посылки военных отрядов, фактически занимавшихся оккупацией соседних персидских земель. В этом отношении поводы к восстанию в киргизских районах и в районах Туркмении были одинаковы.

Воинственные иомуды еще до 1916 г. не раз выступали против своих угнетателей. Особенно сильно было восстание иомудов, подавленное Хивинским ханом в 1912—1915 гг. В 1915 г. иомуды организовали нападение на г. Хиву и были с большим трудом разбиты войсками ген. Галкина. Известно, что депутация иомудов искала в свое время защиты в Афганистане и очевидно находила некоторую поддержку в Персии.

В связи с этим необходимо отметить, что некоторое значение в подготовке восстания имела также панисламистская агитация в Ср. Азии со стороны Турции. В Ср. Азии в то время имелась подпольная панисламистская организация, охватившая главным образом верхушечные слои населения. Политическая агитация этих панисламистских кругов ставила своей задачей подорвать русское владычество в крае и тем самым помочь своим соплеменникам туркам в войне с Россией. Но эта агитация была относительно невелика. Однако все же нельзя не указать, что и в широких мас-

сах населения были надежды использовать затруднения России в войне с Германией для национального освобождения.

Брожение в Туркмении в начале 1916 г. и в Хивинском ханстве уже указывали, что в Ср. Азии назревали серьезные политические осложнения.

Перейдем к описанию восстания в отдельных областях.

III. ВОССТАНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ

Царское повеление о наборе в тыловые дружины было опубликовано в местных газетах в первых числах июля 1916 г. Тогда же началось составление списков мобилизуемых на тыловые работы. В кратком „Обзрении событий“ полковник Маккавеев сообщает: „Первые дни протекали при наружном спокойствии населения, но все же было заметно глухое брожение. Опустели базары, собрания для увеселений почти прекратились. Массы народа собирались лишь на молитву в мечети. Появились признаки общей согласованности между главными центрами. В крае возникли слухи о предстоящем общем восстании мусульман. Должностные и почтенные лица из туземцев призывали к необходимости приступить к наряду, но население волнуется и относится враждебно к требованиям о наряде. Было заявлено несколько ходатайств о замене натуральной повинности денежной. Состоятельные туземцы Ташкента и Самарканда стали, на случай беспорядков, вывозить свои семьи из города и прятать наиболее ценные вещи в садах и окрестностях. По сведениям политического агента в Бухаре, 7 июля из Самарканда выехал в Афганистан посланец с просьбой о помощи“.

Первое выступление масс произошло 4 июля в г. Ходженге, где большая толпа напала на караульную команду, пытаясь отобрать у нее оружие. В толпу было произведено 15 выстрелов, и она рассеялась, оставив на месте 1 раненого и 2 убитых туземцев. Затем было арестовано 10 таджиков.

Так была вписана первая кровавая страница в эпопею восстания 1916 г. Слухи о событиях в Ходженге быстро разнеслись по всему краю. Требование прекратить составление посемейных списков призываемых в тыловые дружины стало как бы лозунгом для всех последовавших затем выступлений.

Тогда же в ряде волостей в Самаркандской области туземцы собирались толпами и угрожали убить своих управителей и всех сторонников русского правительства.

5 июля в Ургуте толпа около 500 человек напала на сельского стражника Зияева, порвала на нем халат и, вырвав списки мобилизуемых, торжественно разорвала их на мелкие кусочки.

В тот же день на станции Куропаткино произошла стычка между русскими солдатами и местным населением, собравшимся на базаре. Вышедших из поезда солдат толпа туземцев встретила градом камней.

Движение перебрасывалось из района в район, из селения в селение и проходило главным образом в виде уничтожения посемейных списков и избияния волостных управителей, разгрома их домов, убийств народных судей и т. п.

Эти первые волнения туземцев указывали администрации края на опасность положения. Войск в крае было мало. Ввиду отъезда ген.-губ. Мартсона в Петербург, хозяином края оказался в это время ген. Ерофеев, который спешно ввел военные суды и для поднятия престижа власти издал приказ о том, чтобы все туземцы „приветствовали господ офицеров всех чинов и ведомств вставанием и поклоном“. Для усмирения всюду были разосланы имевшиеся в распоряжении властей казаки и кавалеристы.

К середине июля движением была охвачена вся Фергана, Ташкентский район и ряд уездов Самаркандской области. В Фергане произошел ряд столкновений населения с войсками, были убиты и ранены со стороны восставших. В ряде селений ими были убиты представители туземной администрации, уничтожены списки мобилизуемых. Военный губернатор Ферганы ген. Гиппиус в противовес ген. Ерофееву пытался действовать на массы более мирными средствами. С этой целью, объезжая свою область, он в г. Намангане переоделся в халат и выступил перед толпой с кораном в руках, вычитывая из него соответствующие изречения и целуя „священную“ книгу. Ссылаясь на авторитет корана, он агитировал за помощь „белому царю“ в войне с немцами.

Однако ген. Гиппиус понимал, что на таком маскараде далеко не уедешь, и 16 июля объявил отсрочку выполнения приказа до 15 сентября для того, чтобы население могло закончить сбор хлопка. Тогда же весь Туркестан был объявлен на военном положении. Гиппиус обещал обеспокоенному событиями московскому биржевому комитету быстро ликвидировать восстание и снять военное положение, но это оказалось не так-то просто. Ген.-губернатор Ерофеев ввел особый контроль над передвижением по железным дорогам грузов и людей. Вообще военные власти перевернули всю хозяйственную систему области вверх ногами. Банки и фирмы прекратили Фергане выдачу задатков, обычных перед очередной окупкой хлопка, что угрожало не только реализации хлопка текущей года, но и срывом кампании для последующего.

Ген. Гиппиус три раза возбуждал ходатайство об отмене военного положения на железной дороге и о зачислении хлопковых районов Ферганы при наборе рабочих в последнюю очередь. Обещанное им „успокоение“ однако не наступало, беспорядки, наобо-

35187 1981

рот, увеличивались, и вскоре самому Гиппиусу было предложено подать в отставку, как „не сумевшему проявить твердость власти“.

Администрация края, кроме разного рода репрессий в отношении мятежных районов, применяла и другие средства к ослаблению движения. Прежде всего, для создания розни между отдельными классовыми группами населения была предоставлена всем наиболее зажиточным туземцам, в том числе местному кулачеству (баям) возможность заменять призываемых в тыловое ополчение своих сыновей и родственников другими, за плату. Это внесло значительный раскол в движение, так как пострадавшей от указа оказалась теперь главным образом беднота. Были также попытки подкупа мусульманского духовенства и других влиятельных лиц. В конце июля Фергана была „замирена“. В Ташкенте—главном городе края— и в селениях Ташкентского уезда события в общем проходили в той же форме и с теми же последствиями, как и в Фергане.

Вообще в хлопковых районах движение протекало в форме отдельных кратковременных вспышек, направленных главным образом против туземной администрации и лишь изредка сопровождалось стычками с войсками и полицией.

Более грозный характер приняли события в Джизакском уезде, районе зернового хозяйства. Вновь назначенный для усмирения восстания ген.-губернатор Куропаткин назвал Джизакские события „открытым восстанием“.

Начало событий в Джизакском уезде относится к первым числам июля. К этому времени в г. Джизаке заканчивалось составление списков мобилизуемых и начался призыв. Некий ишан Назыр Хаджа Абдусалямов¹ собрал народ и объявил, что в Ташкенте после бунта мобилизация на время „уразы“ (поста) отменена. Этот слух очень быстро распространился по всему Джизаку, и в ночь на 13 июля в Старом городе состоялось собрание, на котором было решено отобрать списки призываемых. Утром 13 июля население бросилось к районному управителю и потребовало у него списки зарегистрированных. Управитель не только не дал списков, но с револьвером в руках бросился на толпу. Толпа стала бить его палками и убила. Затем толпа напала на управление старшего управителя и сожгла все, что имелось в этом доме. Тут же был брошен лозунг „газавата“—священной войны,—и Назыр Хаджа был провозглашен беком. Толпа, вооруженная палками, ножами, серпами и пр., бросилась в Новый город с требованием отмены набора рабочих. Назыр Хаджа шел во главе толпы и по случаю восстания

¹ Ишанами в Ср. Азии называются лица, которым по наследству передается духовная власть над своими почитателями („миридами“). Это нечто в роде святого, который может и не быть в числе духовенства. Так, ишан Назыр Хаджа был комиссионером по жерновам.

отменил „уразу“. Навстречу толпе выехал уездный начальник, который обещал прекратить мобилизацию, но из толпы кричали: „Не верьте ему!“. Представитель власти схватился за револьвер. Это было сигналом к нападению, и в одно мгновение вся группа „начальства“ была перебита. Толпа стойко держалась некоторое время под открытым по ней огнем караульной команды и отступила в Старый город лишь после нескольких залпов, оставив десятки убитых туземцев. В Старом городе повстанцы всех поставили на ноги: все стали готовиться к бою и вооружаться, чем попало, срочно запасаться продуктами, мобилизовали всех мастеров для изготовления шашек, топоров и холодного оружия.

Затем повстанцы, не встретив сопротивления (немногочисленная команда заперлась в казармах Нового города), бросились на ж.-д. станцию и произвели здесь разрушение, оборвали телеграфные провода, подожгли бак с нефтью, разрушили казармы рабочих и другие ж.-д. сооружения. Порче полотна помогали ж.-д. рабочие туземцы. Попутно избивались ж.-д. служащие и вообще вся попадавшая под руку русская администрация.

По направлению к ст. Ломакино были разрушены пути, мост и телеграфные провода. Также был испорчен путь на перегоне Джизак—Обручево на протяжении 65 верст. Бунтовщиками было убито 16 ж.-д. служащих и совершено нападение на поезда. Русское население Джизака укрылось в крепости. Всю ночь Новый город охранялся патрулями и заставами. На следующий день появляется карательный отряд полковника Афанасьева, который и подавил восстание в Старом городе.

Движение в это время уже перебросилось в уезд, где население также спешно вооружалось; кое где появились винтовки, и был объявлен поход на помощь восставшим в Джизаке. В ряде районов были выбраны свои беки, ставшие во главе движения. Толпа двинулась на Джизак, по пути уничтожая квартиры и канцелярии царских чиновников; главным образом полицейских. Всего в Джизакском уезде погибло от рук повстанцев 83 человека и в том числе лесная стража Зааминского лесничества.

Восстание в Джизакском у. охватило главным образом долину реки Санзара, Зааминский и Богданский районы. Назыр Хаджа был объявлен Зааминским беком, и в мечети был устроен по этому случаю большой общий пир.

В Богданском районе был провозглашен ханом некий Абдурахман Дживачи, призывавший население к объявлению священной войны. Назыр Хаджа и Абдурахман Дживачи объединили свои силы и пытались оказать сопротивление двигавшимся против них карательным отрядам.

Из Ташкента и других городов в Джизакский у. была брошена

целая армия в составе 13 рот, 6 орудий, 3 сотен казаков и 1 роты сапер; по линии ж. д. был пущен бронированный поезд. Чувствуя свое бессилие против этой массы войск, повстанцы прекратили наступление, и армии Назыр Хаджи и Абдурахмана Дживачи постепенно стали расходиться по кишлакам. Часть вернулась в города, некоторые пытались пробраться в Афганистан и Бухару. Абдурахман Дживачи сдался. Назыр Хаджа был пойман в степи, где его выдали кочевники киргизы, не примкнувшие к восстанию.

Карательный отряд под командой полковника Иванова обрушился на туземное население, и произошло жесточайшее усмирение. Один из переживших это усмирение рассказывает: „Иванов дал приказ стрелять, сжигать, конфисковать домашние вещи и с.-х. орудия. Отряды отправились по кишлакам, вещи сжигали, кого встречали, в того и стреляли, женщин насильничали и чинили другие зверства. В кишлаках сжигали посевы и дома, а готовую пшеницу увозили. Население бежало в города, в степи, бросая свое хозяйство. Начался голод. Женщины бежали, оставляя детей. Бсженцы голодали в далеких степях и в городах“.

В Джизаке и уезде было произведено множество арестов, с преданием военному суду.

20 августа в Джизак приехал ген.-губернатор Куропаткин. Сначала он посетил могилы убитых чинов русской администрации, вызвав почетных лиц города и „милостиво“ заявил им: „всех вас следовало бы повесить, но мы оставляем вас живыми, чтобы вы могли быть устрашающим примером для других. Место, где был убит полковник Рукин, загородить радиусом в 5 верст. Это будет принадлежать государству. Немедленно выселить население, которое находится на этой территории“.

Эти дикие приказы царского сатрапа были выполнены.

В рапорте царю об этом событии Куропаткин писал: „в Джизакском уезде мною было объявлено население о конфискации у него около 2000 десятин земли на участке, где была пролита кровь русских людей, из них 800 десятин незастроенной земли, числящейся в черте города, остальные 1200 десятин, предназначенные к конфискации, представляют несколько заселенных участков, на которых было убито 73 русских. Эта мера содействовала отрезвлению туземного населения и удержала от вооруженного нападения колебавшихся“.

В конце июня почти во всех крупных центрах Узбекистана восстание было подавлено, и начался набор призванных „тыловиков“.

Из краткого описания событий видно, что действующими лицами в восстании оказались широкие массы как городского, так и сельского населения. За небольшим исключением верхи туземной

буржуазии вели агитацию за подчинение правительству, и мы видим их в первых рядах исполнителей распоряжений власти, заодно с волюстными исполнителями и эксплуататорами масс дехканства. Буржуазия и духовенство выступали перед властями от имени масс, давали торжественные клятвы подчиниться приказаниям власти, устраивали торжественные богослужения и депутации с церемониями низких поклонов и ползания на коленях перед местными сатрапами. Классовая противоположность интересов обнаружилась в событиях 1916 г. достаточно четко. Оппозиция либеральной части туземных буржуазных кругов не шла дальше требования ограничения самоуправления и грабежа ташкентских помпадуров.

Движение в районах Узбекистана можно характеризовать, как движение преимущественно дехканское. Ему не хватало прежде всего руководства. Если в Джизакском у. у восставших появились организаторы в лице представителей отживающего феодализма—ишана Назыр Хаджи Абдусаламова и отпрыска бекского рода Абдурахмана Дживачи, которые выкинули белое знамя национального освобождения, то в других районах, как например в Ташкентском у. и особенно в Фергане, не было даже и таких руководителей туземцев. Поэтому разрозненные вспышки быстро были подавлены военной силой и не переросли в следующую революционную фазу борьбы. Пролетарии хлопководы, издольщики, оказались настолько слабо подготовленными к руководству движением, что о них, как о руководящей силе, говорить не приходится: они оставались частью неорганизованной, „мятежной“ толпы дехкан.

Следует запомнить также факт активного участия в восстании туземцев ж.д. рабочих, разрушавших пути сообщения во время джизакского восстания. Но местный и русский фабрично-заводской и железно-дорожный пролетариат в крае был настолько немногочислен, неорганизован, что никак не мог оказать содействия дехканскому движению.

В нескольких других условиях и в других формах проходило восстание 1916 г. по другим районам.

IV. ВОССТАНИЕ В КИРГИЗИИ

События, разыгравшиеся в Узбекистане, нашли прямой отклик в Киргизии и прежде всего в горных районах около озера Иссык-куль.

К восстанию киргизы оказались лучше подготовленными, чем узбеки. Ими был заранее учтен момент ослабления противной

стороны: в русских поселениях мобилизациями было изъято большое количество молодежи, взято для фронта оружие, и уменьшены местные гарнизоны. Киргизы, зная это, в некоторых округах начали собирать средства для закупки оружия, покупали старые ружья у переселенцев, заготавливали селитру для выделки пороха, свинца и т. д. Покупали оружие за границей — в Китае, у афганских купцов. Объявление мобилизации на тыловые работы послужило сигналом к выступлениям, но самое восстание в Киргизии произошло несколько позднее, чем в Узбекистане. Первое выступление зарегистрировано в ночь с 1 на 2 августа, когда произошло нападение на ямщиков в районе между почтовой станцией Джаль-арык и Токмаком. Отряд более сотни киргиз напал на ямщиков и отобрал у них 8 лошадей. 8 августа киргизский род Сары-багиши напал на переселенческое селение Новороссийское в ущелье реки Б. Кебень. Это селение было сожжено, имущество разграблено, а скот угнан. В тот же день в ряде киргизских аулов произошли собрания, на которых было решено „тыловиков“ не давать, а лучше умереть в борьбе с русскими. По древнему обычаю на белой кошме был поднят и провозглашен ханом манап Макуш Шабданов. С этого момента восстание охватывает почти всю Киргизию. В соседнем Аулие-атинском у. в местностях, населенных киргизами, также начинается брожение. В нападении на кордон лесообъезчика около г. Аулие-ата и в уничтожении его имущества выразился протест против разного рода вымогательств со стороны лесной администрации. Восстание киргиз в Аулие-атинском, Пржевальском, Пишпекском и других районах, входящих ныне в Киргизию, идет параллельно с движением казаков тех местностей, которые ныне входят в Казакстан, о чем дальше будет сказано подробнее.

Повстанцы киргизы прервали телеграфное сообщение между главными центрами края и все свои силы бросили против русских переселенцев Пишпекского и Пржевальского уездов. В первом было сожжено и разгромлено 14 селений, а во втором 36, всего 50 селений.

Интересно отметить, что в действиях повстанцев наблюдались признаки известной организованности. В горах были устроены мастерские для выделки холодного оружия и пороха. В некоторых группах имелись особые значки и знамена. На шапках у многих повстанцев были надеты однообразные металлические бляхи. Применялась оптическая сигнализация о движении русских отрядов. Проводилась система порчи дорог, мостов и телеграфа. Захваченный в одном из ущелий транспорт оружия из 170 берданок и 40 тысяч патронов дал возможность киргизским повстанцам выступать против отдельных русских отрядов и нападать на рус-

ские селения, где были организованы для защиты селений свои отряды. Сожжение и разгромы поселков происходили около недели и сопровождались убийствами русских крестьян. Почти всюду русские переселенцы организовывали дружины, рыли окопы и пытались сопротивляться вооруженным повстанцам, однако последние были вооружены настолько слабо, что им приходилось беречь каждую пулю, и в женщин и детей, пробиравшихся за водой к колодцам и в сады, они стреляли косточками из фруктов, камешками и т. д., и только в мужчин летели настоящие пули, изготовленные в горах. Яростно нападали киргизы на переселенцев крестьян. Как правило, киргизы не убивали ни женщин, ни детей, забирая их в плен и уводя в горы. Впрочем были пленные и мужчины, которых русские крестьяне — кулаки обвиняли в том, что они вели себя, как изменники, перебегая к киргизам и даже оказывая им ту или иную помощь, а таких случаев было не мало. Вместе с русскими деревнями повстанцы сжигали и отдельные хутора, стога сена, угоняли скот. Некоторые из поселков, особенно крупные, при помощи своих дружин и небольших военных отрядов отбивались от киргиз по нескольку дней. Наиболее интересным было нападение на такие города, как Токмак и Пржевальск.

Токмак осаждался повстанцами 10 дней. В этой осаде Токмака проявилась вся сила напора повстанческих масс, которые осаждали город с необычайным мужеством и героизмом, при жалком вооружении берданками. Наступление на Токмак началось 13 августа, причем киргизы знали, что в этом городе были значительные вооруженные силы русских. Осада велась обычно днем. Повстанцы несли огромные потери от ружейного и пулеметного огня русских войск и мобилизованных городских жителей. К концу осады в Токмак вошел карательный отряд с пулеметами и орудиями, который открыл бешеный огонь по быстро поредевшим отрядам повстанцев. Не выдержавшие такого отпора, киргизы отступили в горы.

Приблизительно в таком же виде произошла осада Пржевальска, где имелся значительный гарнизон. Все население было собрано около солдатских казарм. всюду были сооружены баррикады и вырыты окопы. В городе скопилось около 12 000 беженцев из соседних сожженных поселков. Из них наскоро составлялись дружины. Повстанцы киргизы нападали на Пржевальск легкими кавалерийскими набегами, не нанося особого вреда осажденным. Набеги легко отбивались вооруженной силой, которая к тому времени усилилась подоспевшими на выручку карательными отрядами, освободившимися после отхода киргиз от Токмака. Карательные отряды прибывали со всех сторон, занимали почтовые тракты и перешли в наступление на повстанцев.

Более двух недель повстанцы держались вблизи русских опорных пунктов, делая неоднократные попытки возобновить наступление. Разыгрался новый бой около укреплений старого Токмака, где с обеих сторон было много убитых и раненых. Новое серьезное боевое столкновение произошло около села Алексеевки. 20 августа русские отбили атаку у села Покровского. В конце августа произошел ряд атак на отдельные селения Нарынского и соседних уездов. Неожиданно для русских карателей 8 сентября был произведен повстанцами новый набег на Токмак, который все же был отбит и им пришлось снова отступить в горы.

Повторное наступление на Токмак было и последним, после чего начался отход киргиз в горы. Все отдельные кавалерийские налеты конца августа и начала сентября 1916 г. носили характер арьергардных стычек, прикрывавших отступление главных масс повстанцев, задумавших переселение в Китай. В Китай пошло огромное количество киргиз вместе со своими кибитками и скотом, значительная часть которого при переходе через горные перевалы погибла. По одному только пути через перевал Бодель насчитывалось около 10 тыс. голов павшего скота и лошадей. В Китае остальной скот, из-за отсутствия кормов и перенесенных лишений в пути пал почти полностью. Осталось лишь небольшое количество баранов и верблюдов, как наиболее выносливых и наименее требовательных животных. Потеряв свои стада, киргизы очутились в Китае в крайне бедственном положении. Китайские власти грабили оставшееся имущество попавших на их территорию повстанцев. Обратное переселение киргиз из Китая произошло лишь после Февральской революции 1917 г.

Генерал-губернатор Куропаткин отдал распоряжение решительными мерами подавить восстание и направил в Киргизию огромное количество военных сил. Из действующей армии были переброшены в район восстания 2 казачьих полка с кольтовскими пулеметами и казачья батарея. Был дан лозунг „привести в покорность восставших азиатов, не стесняясь никакими мерами“. Жестокость, с которой происходило усмирение повстанцев, превосходит всякие описания. Расправа с восставшими киргизами, не успевшими уйти, носила характер жесточайшего истребления местного населения. Так один из отрядов карателей на южном берегу Иссык-кула вырезал около 1 000 человек. Около Токмака убито свыше 400 человек и много взято в плен, причем многие из пленных были затем убиты. Телеграммы, которые посылались Куропаткину с известием о победах русских войск, пестрят такими сообщениями: „Пока убито около 1 000 киргиз“, „Потери бунтовщиков значительные. Сожжено 800 юрт. Уничтожено 800 отчаянных киргизских бойцов, уничтожено огромное количество скота и баранов“.

Около селения Краснореченского войска убили 200 киргиз. Другой войсковой частью захвачено 1 000 лошадей. В первую же неделю подавления восстания было отобрано у киргиз до 400 тыс. голов скота. Но скот продолжал отбираться и дальше. Каратели до того нагрузились скотом, что не знали, что с ним делать. Палачи киргизских повстанцев захлебывались в крови убитых, теряя подвижность от награбленного имущества.

Как велико было разорение киргиз после восстания, дает представление такая справка: „В Пишпекском у. до восстания числилось 28 тыс. киргизских кибиток (семей). К январю 1917 г. их осталось только 11.500. В Пржевальском у. из 34 500 кибиток к 1 января осталось менее 9 тыс. Всего убыль киргизских кибиток по двум уездам доходила до 42 тыс. Потери скота по Пишпекскому у. исчислялись в полмиллиона голов, а по Пржевальскому почти в миллион. Это было такое разорение хозяйства края, которое отразилось не только на Киргизии, но и на центральных областях России в последующие годы.“

Потери русских переселенцев и вообще русских были значительно меньше, чем киргиз. В Пишпекском у. пострадало 500 хозяйств, разгромлено 600 домов, погибло хлеба 12 тыс. пд, всего на сумму 1 миллион рублей. В Пржевальском у. пострадало 4 345 хозяйств, разгромлено 1 748 домов, всего на сумму 15 млн. руб. Относительно людских потерь, по данным ген. Куропаткина, в Пишпекском у. штатских убито 98, без вести пропало 65; в Пржевальском у. убито 2 179, без вести пропало 1 299. Войска потеряли убитыми 3 офицера и 52 нижних чина, ранеными 41 и пропавшими без вести 75 нижних чинов.

Потери киргиз в восстании таким образом во много раз больше, чем у русских. Если все эти потери взять в целом, то перед нами встанет совершенно четко вопрос о дикой бессмысленности царского указа от 25 июня 1916 г. о призыве туземцев Ср. Азии на тыловые работы.

Рассматривая вопрос об организованности восстания в Киргизии, следует отметить в качестве руководителей восстания манапов, которые являлись представителями раннего феодализма в этом крае. Это обстоятельство несомненно имеет свое значение для определения характера самого восстания, как национально освободительного, о чем речь будет дальше.

Относительно руководства восстанием со стороны манапов и родовых начальников т. Рыскулов замечает, что „ввиду широкого размаха восстания данного района родовые старшины не могли оторваться от массы их рода, ибо в последнем случае последняя разгромила бы их как изменников, а переход открыто на сторону царской администрации все равно не спас бы их“.

Попутно следует отметить, что влияния духовенства на движение среди киргиз было почти незаметно. Точно также движение не выбрасывало лозунга „газавата“, что имело место в узбекских районах.

Следует еще подчеркнуть массовость киргизского восстания и его аграрный характер, направленный главным образом против аграрной политики царизма и военных тягот.

Подводя итоги восстания в Киргизии, можно отметить, что формы выступлений против русских повстанцев носили характер настоящего вооруженного восстания. Киргизские события в значительной степени превосходили все то, что было в Узбекистане. Кроме того восстание было более длительным, чем в узбекских районах. Это объясняется лучшей его организованностью и лучшей подготовкой киргиз к военным действиям, а также особым характером той географической среды, где разыгрались события. Если в Узбекистане наиболее яркие вспышки произошли в горном Джизакском районе, и значительно слабо было движение в хлопковых долинных районах, то в Киргизии в горных условиях происходила настоящая война с осадами городов и сел в течение многих дней.

В узбекских городах восстание было очень кратковременно и может быть названо только яркими вспышками, усмирить которые было не трудно. Киргизское же движение пыталось бороться с регулярными войсками, вооруженными пулеметами и нарезными винтовками.

V. ВОССТАНИЕ В КАЗАКСТАНЕ

Восстание в Казакстане началось почти одновременно с событиями в Туркестане. Первые случаи движения были отмечены в Уральском уезде, где 8 июля был убит волостной управитель за составление списков лиц, призываемых в тыловое ополчение. Затем в Абищенском у. произошло столкновение туземцев с русскими казаками из-за избияния одного из представителей местного населения. Кроме этих случаев, волнения против набора в тыловые дружины за 14 июля отмечались в официальных донесениях по Тургайскому и Петропавловскому у. и Зайсанскому району. Во второй половине июля отдельные выступления участились и охватили ряд пунктов той же Тургайской области: так в области, по данным департамента полиции, 26 июля наблюдалось большое скопище казаков (до 15 тысяч) вблизи Ташкентской ж. д., против которых были посланы войска. Возбуждение сказывалось и в некоторых селениях Акмолинской области, где между прочим агентом полиции

был отобран красный флаг с полумесяцем, который несла толпа восставших казаков. В конце июля началось крупное движение в районе Барнаула и наконец в области района Верного, где движение приняло такие же резкие формы, как и в Киргизии. Кроме того, всюду отмечалось „пассивное“ неподчинение власти. Вместо обычных 25—40 кибиток казаки стали группироваться по 300—400 кибиток. Около озера Кургаальджина скопилось около 15 тыс. казаков. Движение очень быстро распространялось и подогревалось политикой русских властей. Отправленные населением делегаты в Петроград с ходатайством об отмене приказа не могли добиться аудиенции у Николая II и возвратились через Оренбург в Тургайский областной центр. Молодежь, узнав о безрезультатности ходатайства, не доверяя местной власти, начала делать набеги на канцелярии аульных старшин и волостных управителей, уничтожая посемейные списки. Крестьянские начальники все же распорядились назначить пункты и сроки сбора для тыловых работ. Это еще больше подлило масла в огонь, и движение начинает принимать решительные формы. В то же время появляются карательные отряды царских войск, которые производят аресты мелких групп молодежи.

В Кустанае было собрано совещание волостных управителей и все они были арестованы, как заложники, до явки на сборный пункт казакской призывной молодежи, которую начали ловить по волостям. Столкновение при этой ловле и нападения на отдельных карателей были одной из форм, в которых выражалось движение туземцев Кустанайского у. Дело закончилось тем, что молодежь в значительной своей части была переловлена. Но все же часть молодежи перебежала в Тургайский у., где и сосредоточился центр повстанчества.

Тургайские степи, слабо населенные русскими переселенцами более всего благоприятствовали собиранию казакских сил. Поэтому движение здесь оказалось наиболее упорным и длительным. Было установлено соглашение между близкими родами оргинцев и кипчакцев, населявших Тургайский и Кустанайский у. Для руководства повстанческим движением каждый род выбрал своего хана, который являлся главарем движения. Хань всех родов должны были преследовать общие цели. Кипчакский род в конце августа выбрал ханом Абдул Гафар Джанбусунова, а оргинцы — Оспан Чулакова. Под руководством ханов таким образом формировались повстанческие отряды, составившие 2 армии. Обе армии, общей численностью в 8 тыс. человек, представляли довольно внушительную силу, которая поставила себе задачу взять г. Тургай. Намеченная наступательная операция была решена 4 ноября 1916 г. на общем всенародном собрании. Решено было взять Тургай длительной осадой,

а если окажется возможным, то и приступом, отведя русло реки в сторону от города. Осада началась 5 ноября около 4 час. вечера, и ночью произошло первое наступление. Повстанцы в темноте подошли к самому городу. Сигналом к атаке послужил поджог сеновалов и сараев для сушки кож. „С протяжным гулом кинулись казаки на город“, — вспоминает один из участников восстания: „Всадники приблизились к окраинным постройкам города с пиками, на концах которых горели смоченные керосином тряпки. Поджигали крыши домов. Другая часть всадников, вооруженных копьями и насаженными на длинные древка топориками, пыталась пробиться сквозь устроенные городскими жителями баррикады. У некоторых повстанцев были охотничьи ружья, по одному на каждые 100 человек; стреляли из них дробью или кусочками железа. Казаки, плохо вооруженные, брали своей настойчивостью и численностью“. При свете пожаров, затем при дневном, они много раз повторяли нападение на защитников города. Намеченный накануне наступления план не был осуществлен. Атака велась беспорядочно. Часть атакующих бросилась грабить крайние дома и хозяйства. От этого пострадала только беднота. В результате 3-часового боя цель не была достигнута, и город не был взят. При поджоге канцелярии крестьянского начальника были уничтожены списки призываемых. В боях туземцы потеряли более 300 человек. Из городских жителей был убит инспектор старшего начального училища Курбатов, принимавший активное участие в вытеснении повстанцев из города. Повстанцы отступили. В самом городе еще накануне наступления было объявлено осадное положение, и мобилизовано все взрослое население, а все казаки, проживавшие там, были арестованы.

По требованию начальника гарнизона г. Тургай со стороны Оренбурга через Чалкар-иргиз двигалась на подкрепление особая карательная экспедиция в числе около 10 тыс. человек под командой генерала Лаврентьева, состоявшая из всех родов войск: драгун, казаков, артиллерии и проч., снабженная всеми видами оружия: пулеметами, пушками и т. д. Эта экспедиция по пути расстреливала мирных кочевников, производила насилия над женщинами, грабила имущество и т. д. На урочище Акчиганак в Тусунских песках отряд встретил повстанцев из оргинцев, с которым произошла первая стычка. Но эта стычка не имела существенных результатов, и экспедиция продолжала продвижение к г. Тургаю. В селениях, расположенных вблизи Тургай, в связи с происшедшими событиями туземная интеллигенция пошла на соглашение с русскими властями. Например в Чубалинской, Тусунской и других волостях было дано согласие на сдачу молодежи на тыловые работы. Оргинский хан Оспан Чулаков также добровольно сдался и возвратил уездному начальнику деньги, взятые при ограблении почты на Тургайском

тракте. Кипчакский же род продержался до Февральской революции.

После сдачи оргинского отряда, карательная экспедиция выехала в степь, против кипчаков, главные силы которых находились в 150 верстах от г. Тургай. В 50 верстах от них карательный отряд встретил части повстанческих войск и здесь произошло небольшое сражение, окончившееся отступлением повстанческих отрядов. Затем произошел бой уже с главными силами повстанцев, продолжавшийся в течение 8 час. и окончившийся небольшими жертвами с той и другой стороны и отступлением повстанцев вглубь степей. Царские войска считали дальнейшее преследование повстанцев по стратегическим соображениям невозможным и возвратились в Тургай, где и оставались до Февральской революции.

После этого сражения кипчакский род созвал совещание старейших из повстанцев, где было решено направить посла для связи с Турцией и Бухарой. Для этой цели был выбран т. Жангильдинов.

6 марта 1917 г. в глуши Тургайских степей было получено известие о свержении с престола Николая II и о Февральской революции. Повстанческие войска были распущены с уговором собраться по первому же призыву. Карательный отряд был отозван из Тургайской области в марте 1917 г.

Другой участник событий, но уже с противоположной стороны, рядовой солдат Лычангин рассказывает¹ об усмирительном походе в Тургайские степи из Самары, откуда он 4 ноября 1916 г. был отправлен в специальном поезде с 4 боевыми орудиями. „12 ноября, — пишет Лычангин, — произошло выступление со станции Чалкар карательной экспедиции ген. Макарова с радиотелеграфом, 4 орудиями, 4 пулеметами и кавалерией. В отряде была особая пулеметная команда с 4 пулеметами, снятая командованием с германского фронта (с р. Стохода). Был снаряжен специальный караван на верблюдах. К карательному отряду присоединили Оренбургский казачий полк, две новых пулеметных команды и много пехоты. В январе месяце произошло первое столкновение отряда с группой туземцев из 300—400 всадников с самодельными пиками. Туземцы убили два казачьих разъезда в 16 чел. Русские войска в свою очередь изрубили 28 чел. туземцев, расстреляли их разъезд из 13 чел. и взяли в плен 24, причем производился грабеж и всяческие насилия в казакских аулах. Этот отряд с добычей вернулся в Иргиз. 14 января 1917 г. вся армия карателей двинулась из Иргиза на Ургу для преследования кипчакской армии Абдула Гафара Жанбусунова, оперировавшего в 300 верстах от Тургай. В армии карателей было 6 сотен оренбургских казаков, 4 пулемета, 4 трехдюйм-

¹ Из неопубликованной корреспонденции в моем архиве—А. III.

мовых орудия и 20 разведчиков при транспорте в 400 верблюдов. Навстречу этому отряду Абдул Гафар Джанбусунов („гроза степи“) послал гонца с предупреждением: „войска русские, если перейдете границу, я всех перебью“. Столкновение карательного отряда с кипчаками произошло в 90 верстах от Тургая, в большом ауле, который был обстрелян из орудий, причем было убито до 300 оставшихся в ауле женщин и стариков с детьми. Все взрослые мужчины были в отряде Джанбусунова, который ушел из этого селения“. Лычангин в корреспонденции сообщает также, что в отряде кипчаков были винтовки. После сражения у аула отряд двинулся вниз по р. Тургаю, причем были изрублены все пленные туземцы. 31 января были двинуты войска против главных сил кипчаков. Сражение произошло на льду р. Тургая, где было убито свыше 4 тыс. туземцев, расстрелянных из пушек и пулеметов. Туземная армия двигалась по льду, а войска шли по обоим берегам реки. Таким образом был уничтожен почти весь отряд кипчаков. Убитых среди русских войск не было, а всего лишь трое раненых. 2 февраля Джанбусунов прислал специальную делегацию с просьбой о позволении похоронить убитых. Согласие было дано. 12 февраля русский карательный отряд вернулся в г. Тургай, а 14 марта присягал Временному правительству.

Такие же отряды русских войск действовали и в других районах. Так из Актюбинска отряд перешел через истоки реки Орк к озеру Уркач. Третий отряд шел из Иркутска по реке Иргиз и озерам этого района, где также было произведено „усмирение“ туземцев.

В других районах Казакстана движение развернулось с меньшей силой; выступления, хотя и многочисленные, носили более разрозненный характер. Но все же волнениями были охвачены все области, входящие в нынешнюю Казакскую ССР, и „успокоение“ огромного края наступило лишь через полгода.

Выступления носили характер отдельных убийств участковых приставов, представителей волостной администрации и т. п., порчи телеграфных линий, скопления крупных партий вооруженных туземцев, нападений на ж.-д. станции и поселки переселенцев, столкновений с войсками, увода скота, порубки лесов, потравы, разгрома русских селений и ухода при преследовании в пески или за границу.

Наибольшее число столкновений такого рода в пределах бывшей Сыр-Дарьинской области приходилось на Аулие-атинский у. и соседние с ним районы. Здесь движение началось еще в середине июля, причем восстание в Киргизии имело на эти районы очень большое влияние и проходило почти по тому же типу. Так например на город Меркэ туземцами было произведено несколько нападений. 29 августа Меркэ был подожен с трех сторон. В этих же

числах туземцами была окружена ж.-д. станция Луговая. Затем, недалеко от нея толпа туземцев ночью напала на отряд прап. Гудкова и многих солдат ранила. В перестрелке у туземцев был убит предводитель на белой лошади с красным флагом.

По тракту от Меркэ туземцы расставили сторожевые посты, которые сигнализировали движение карательного отряда. Позднее толпы туземцев отступили в пески и горы, продолжая травить посевы и нападать на отдельные русские селения. Брошенные против туземцев войска убивали отдельных туземцев, но далеко в пески не могли пробиться.

17 сентября конный отряд в 75 нижних чинов встретил в песках в 70 вер. от Меркэ вооруженную копьями и ружьями толпу туземцев в 2000 человек, открывшую по отряду огонь. Перестрелка продолжалась 2½ часа, причем туземцы отступили с большими потерями, в русских же отрядах потерь не было.

В конце сентября, в Аулие-атинском уезде многие из повстанцев принесли „покаяние“.

В Казалинском у. волнения происходили на остр. Токмаката, где туземное население оставило свои насиженные места и стало переправляться по направлению к Хиве. Интересно отметить, что из Казалинского у. туземцы откочевывали в Иргизский и Тургайский у., где, как мы видели выше, концентрировались главные силы повстанцев.

О движении в Семипалатинской области можно судить по некоторым официальным телеграммам:

14 июня произошли беспорядки в Усть-Каменогорском и Зайсанском у.

16 июня развитие беспорядков в Зайсанском уезде. Убит волостной управитель. Киргизы уходят за границу (в Китай).

25 августа в Семипалатинском у. совершено нападение на сборщика-стражника у озера Балык-тыкуль.

7 августа волнения в Павлодарском уезде.

13 августа охвачено волнением 5 уездов, три столкновения с войсками. С 15 по 18 выражена туземцами покорность. Часть бежит в Китай.

29 августа туземцы в Павлодарском уезде травят хлеб и угрожают разгромить поселки.

12—13 сентября в Павлодарском у. огромное скопище туземцев, которые в Зайсанском у. переходят в Китай. Настроение всюду приподнятое.

23 сентября в Павлодарском у. замечено усиление волнения. Павлодарская сотня окружила туземцев. Дано 5 залпов. Число раненых не выяснено.

Кругом Барнаула туземцы начали поджоги лесов, селений и сена. В Усть-Каменогорском районе усиление волнений.

В Томской губ. движение туземцев отмечалось по Бийскому у. с 27 июля, причем оно выразилось в массовой перекочевке со стадами в Монголию. Чтобы задержать этот поток эмигрантов, были посланы войска, встреченные на границе Монголии вооруженными силами монгол. В донесениях отмечалось между прочим, что богатые казаки почти не уходили с массой. Они во время отступлений скупали у бедноты за бесценок шерсть и наживались на этом. Летом, очевидно, из Петра рада было получено распоряжение об отсрочке набора для уборки покосов и посевов, так как на этом особенно настаивали земледельческие казакские районы. Набор был отсрочен до 15 сентября, и это вызвало некоторое понижение движения, но к концу сентября, после истечения срока отсрочки, оно опять приняло широкие размеры. Так 25 октября в Акмолинском у. произошла массовая порубка в Кемберлинской лесной даче, где туземцы беспощадно вырубали лес. „Вооруженные самодельными пиками, туземцы увидев русские войска, вскочив на лошадей, бросились на них, но встреченные ружейным огнем, отступили враспынную. Убито туземцев 42 человека, число раненых неизвестно. Преследуя убежавших, кавалерийский отряд натолкнулся на скопище вооруженных туземцев и перерубил здесь больше 20 человек бунтовщиков“.

О таких же фактах порубок и расправ военных властей сообщали: „в Омском военном округе у с. Алексеевки при разгоне киргиз из леса убито более 100 человек. В верховьях Терсака отряд сжег 30 аулов, ниже 18 зимовок и убил 10 туземцев. В Акбаса отряд 10 ноября убил еще 10 киргиз. Кроме того много убитых и раненых увезено восставшими“.

Стычки с войсками туземцев продолжались в ноябре и декабре 1916 г., и только в январе движение в этих районах было окончательно подавлено.

Таким образом в 1916 г. мятежом были охвачены в той или иной степени все области, входящие ныне в состав Казахской ССР, и захватило часть Сибири.

Сравнивая движение в казакских районах с такими же движениями в Узбекистане и Киргизии, необходимо отметить прежде всего его огромный территориальный размах и силу, в особенности в отдельных случаях, как например при осаде гор. Тургая. Как уже отмечалось, организованное движение в Казакстане возглавлялось большей частью туземными же полуфеодалными группами, которые становились во главе повстанцев.

В ряде районов Казакстана события носили определенно революционный характер и выливались в резкие формы столкновения с войсками. Царское правительство обручилось со всей силой на восставших. Картина разгрома движения в Казакстане была такая

же, как и в других местах Ср. Азии: кроме огромных потерь людских (население почти наполовину убыло), хозяйство было разорено и подорвано настолько, что возобновить его потребовалось значительное время.

VI. ВОССТАНИЕ В ТУРКМЕНИИ

В хлопководных районах Туркмении в начале событий (июль 1916 г.) были попытки местных туземных феодалов договориться с администрацией края. Недаром текины, главная масса туркмен, уже заплатили дань кровью царскому правительству, отдав своих сыновей в особый полк известный под именем „текинского“, (известен по контрреволюционному выступлению ген. Корнилова в августе 1917 г.). Давать рабочих на окопные работы туркмены решительно отказались. Дальнейшие события в хлопковых районах Туркмении разворачивались в формах, напоминавших движение в Фергане, без особо бурных взрывов и столкновений с войсками. В июле отмечено брожение в Теджинском районе, в августе—в Мешедском и Асхабадском, в сентябре—в Тахтабазарском и др. Из отдельных случаев выступления можно отметить нападения на железную дорогу. Так 6 октября в Теджинском у. в 5 верстах от Мерва был поврежден ж.-д. путь и телеграф, убит путевой сторож, его дочь и рабочий, другой ж.-д. сторож с семьей пропал без вести. В ту же ночь был испорчен путь из Теджина на Асхабад и сожжен на этом же пути ж.-д. мост. Тогда же вооруженная группа туркмен напала на гор. Теджин, но была отбита караульной командой. Во время перестрелки убито 3 нижних чина и тяжело ранен мостовой сторож. Нападавшие туркмены потеряли 6 человек, в числе которых был убит и их вождь Каумуков. 15 октября было произведено новое нападение на ж.-д. будку около Теджена. 24 октября 10 вооруженных туркмен напали на почту в Серахсе. В том же районе было произведено нападение на русский отряд. В связи с этим в Серахском приставстве было арестовано 47 туркмен.

Против восставших туркмен были брошены карательные отряды, под давлением которых началась выдача руководителей и участников восстания. Царские власти заменили требование набора „тыловиков“ требованием дать 1000 стражников из туземного населения. Колониальные „тысячники“ были взяты и в декабре 1916 г. перевезены в Ташкент, где их срочно обучали стрельбе и строю. Из этого факта видно, что уже тогда администрация переходила к набору не только для тыловых частей, но и полиции из туземцев для борьбы с „внутренним врагом“. Набор стражников все же не

потушил движения окончательно. Отдельные выступления в Туркмении продолжались до декабря 1916 г.

Совсем иного типа движение наблюдалось в другом углу Туркмении, а именно в районе Красноводска, реки Атрека и Гюргеня и в приморской полосе Прикаспия, среди туркмен иомудов.

Скотоводы иомуды по социальному укладу близко стояли к ранне-феодальным формам, и поэтому руководителями движения у них оказались феодализованные начальники, стоявшие во главе хозяйственной и общественной жизни иомудов.

Восстание иомудов началось в августе 1916 г. в виде отдельных партизанских налетов вооруженных групп иомудов на русские патрули и разъезды на границе Персии, причем были убитые и раненые с обеих сторон. Около 20 августа иомуды в разных местах пограничной полосы разрушили телеграф и, отказавшись дать рабочих в тыловые дружины, ушли со стадами из русских пределов в Персию. За ними в погоню были посланы отряды войск с пулеметами и пушками. Прикрывая свой отход, иомуды иногда вступали в стычки с войсками.

Некоторые столкновения носили очень серьезный характер. Так в сентябре иомуды захватили крепость Аккала и оттуда открыли сильный огонь против русских войск, которым пришлось брать крепость при помощи артиллерии. Бомбардировка продолжалась 2 часа. Иомуды понесли большие потери и бежали к морю.

В конце сентября иомуды напали на поселки Романовка, Михайловка и два русских имения в районе Гюргеня, разграбили их и сожгли. Жители этих селений были эвакуированы под охраной русских войск в соседние поселки Крещенское и Донской. Телеграфное сообщение с Гумбет-кабузом и Астрабадом иомудами было прервано. Восставшие иомуды концентрировали свои силы главным образом за пределами русских владений, нападая на русские войска из-за персидской границы. Одно из таких нападений 30 сентября весьма характерно: в этот день из Чатлы вышел отряд русских войск в 150 сабель, тысячу штыков, с тремя пулеметами и двумя орудиями, сопровождавший обоз и продовольственный транспорт. Иомуды два раза произвели нападение на отряд, причем они оказались вооруженными скорострельными винтовками. Воинственные племена джафарбайцев и акатбайцев из аулов Мергена и Учмана нанесли отряду некоторый урон, убив несколько офицеров и солдат из пограничников и ратников. Такого же рода набеги иомудами повторялись и в других местах. Можно кратко их перечислить (по официальным сообщениям): 8 октября был убит телеграфный чиновник, высланный для исправления поврежденного телеграфа. 18 октября вооруженные иомуды в 17 верстах от Курбан-каза захватили транспорт из 17 верблюдов с припасами и фу-

ражем, следовавший в Чатлы. 24 октября большая группа напала на разъезд из 14 конных разведчиков, причем иомудами был убит один солдат. С прибытием из Курбан-каза подкреплений, иомуды рассеялись, но ночью в течение 3 часов обстреливали пост Курбан-каз. Во время перестрелки был ранен один рядовой. В тот же день иомуды обстреляли пост Караташ. Высланные с поста с донесением 5 конных рядовых были захвачены и убиты. 28 октября на пути из Астрабада в Карасу было произведено нападение на сильную русскую разведку, вооруженную полеметом, причем отряд потерял одного казака. 30 октября вооруженные иомуды появились в окрестностях Ходжа-нефеса в устье реки Гюргеня, подняв на восстание мирных туркмен приморского района. 31 октября 200 вооруженных иомудов перешли границу у поста Нарли на р. Чандырь. В стычке был убит один пограничник. Кроме упомянутых выше русских поселков пострадали от нападений иомудов поселки: Донской, Саратовский и Молоканский, которые охранялись отрядами, вступившими в перестрелку с повстанцами в окрестностях Дашверды. Был случай нападения на следовавший караван с гуртом верблюдов, причем повстанцы ранили джигита и верблюдо-вожатого и угнали тысячу верблюдов.

В ноябре 1916 г. восстание в районе иомудов расширяется. Посылка войск против „мятежников“ усиливается. Каратели проникают в районы расположения повстанцев, и начинается полоса новых серьезных столкновений. Наиболее крупным событием надо считать бой у Чатлы, в котором иомуды понесли большие потери, успев разрушить телеграфное сообщение между Чатлы и Гумбет. При попытке нападения иомудов на рыбные промысла Лианозовых в приморском районе против них была выдвинута артиллерия с судов Ашур-адинской морской станции. Кроме того на берег высадился карательный десант. В новом бое у селения Саратовского иомуды потеряли 16 убитых и 14 раненых. В стычке под Гумбетом-кабузом они понесли большие потери скотом и имуществом. Русские войска потеряли 4 убитых, 1 раненого и 1 пропавшего без вести пограничника.

Наконец против иомудов была двинута особая 10-тысячная „Гюргенская экспедиция“ ген. Мадритова с пушками, пулеметами и автомобилями, высадившаяся в персидском порту Карасу, ставшем штабом и базой против мятежников. Партизанские налеты иомудов прекратились, так как к началу декабря 1916 г. ген. Мадритов уже сумел подготовиться к нападению на главные силы повстанцев в долине Гюргеня. Военные действия ген. Мадритова начались с захвата крепости Аккала, которую как уже отмечалось, иомуды вынуждены были бросить еще в сентябре, и которую им удалось захватить снова. 8 декабря произошло несколько стычек

повстанцев с авангардными частями усмиригелей. В бою у селения Михайловского иомуды потеряли 60 убитых и 80 раненых. 11 декабря западной колонной отряда ген. Мадритова было отобрано у мятежников тысяча штук разного оружия и 200 арб с лошадьми. В декабре произошла встреча иомудов с колонной войск ген. Нарбута на перевале Сегирим-дач. По словам этого генерала „иомуды обнаружили умение применяться к местности, большую храбрость и меткость“. В этом бою с иомудами ген. Нарбут потерял 11 убитых и 8 раненых нижних чинов, а отступившие туркмены оставили на месте стычки 10 трупов. Загнав отступавших повстанцев в горы (у них было до 3 000 вооруженных—половина пиками и шашками и половина берданками, 3-линейными и иностранными винтовками), ген. Нарбут в конце декабря 1916 г. вместе с главной колонной ген. Мадритова нанес иомудам окончательное поражение. В этих последних боях у повстанцев было отнято до 2300 верблюдов и свыше 200 000 баранов. Еще в январе 1917 г., по словам официального источника, в Астрабадском районе продолжалось преследование мелких групп, на которые разбились иомуды, разбитые в декабрьских боях. Вскоре главная масса иомудов прекратила сопротивление.

Упорно сопротивлявшиеся джафарбайцы 5 января 1917 г. обратились к ген. Мадритову с просьбой разрешить им вернуться в пределы России. В январе же сдался ряд других племен, обещав выдать оружие и верно служить „белому царю“.

Один из главных руководителей восстания иомудов Эссен-хан был захвачен отрядом в Мржава-тепе, а прочие главари Шихи-хан Диведжи, Баба-клыч и Мерген явились с повинной сами. При сдаче на милость победителя у иомудов было отобрано 2 433 винтовки, 315 шашек и 61 кинжал. Так произошла ликвидация восстания иомудов на юге Туркмении.

На севере, в районах Ташауз и Куня-Ургенч (хивинское ханство) небольшие группы повстанцев иомудов „рассеивались“ казачьей сотней всю осень 1916 г.

Карательные отряды царского правительства при подавлении восстания в Туркмении действовали так же беспощадно и жестоко, как и в других районах Ср. Азии. Карательные экспедиции истребляли мирных жителей, сжигали кибитки, уничтожали посевы, захватывали скот и имущество и грабили. Были случаи, когда казаки поднимали на пики детей, зарывали в ямы живых людей, вырезали из чрева беременных женщин детей. Ген. Мадритов отнял у иомудов 900 кровных заводских лошадей, несколько сот баранов и много разного скота... Значительная часть иомудов осталась в Персии. Масса обездоленных, разоренных и ограбленных людей... Словом, такая же картина, как и в других районах Ср. Азии.

Возмутительные насилия над населением после восстания прекратились лишь с победой Февральской революции. Потери войск по данным ген.-губернатора Куропаткина в Туркмении выразились: 2 офицера и 59 солдат убитыми и столько же ранеными. Потери восставших, конечно, были во много раз больше.

VII. Итоги и выводы

К действиям карательных отрядов следует добавить распоряжения высшей власти в крае, последовавшие после усмирения восстания. Так в Киргизии, на территории Пржевальского у., была выделена специальная Нарыпский у. с киргизским населением. С прибавлением к Пржевальскому у. части Джеркентского был образован уезд исключительно с русским населением. В этом уезде ген.-губернатор Куропаткин распорядился основать 5 новых русских казачьих станиц. В юго-западном углу уезда, на лучшей плодородной земле Торус-торау было намечено основать 2 казачьих станицы для охраны главных путей между Семиречьем и Ферганой. Таким образом произошла новая громадная конфискация киргизских земель. Кроме того каратели отнимали у населения последние остатки скота: больше всего забирали лошадей для действующей армии. Всем повстанцам, просившим помилования, было предъявлено условие: кроме выдачи пленных, оружия и главарей, выдать по 200 лошадей от волости и по одному рабочему от каждых трех юрт, произвести работу по уборке русских крестьянских полей и дать для этого рабочие руки и потребное количество рабочего скота.

Эти требования были предъявлены ультимативно: либо полное их выполнение, либо присылка казаков и пушек для расправы.

Возвратившимся на свои места казакам в Казакстане были предъявлены почти те же условия, что и киргизам. Грабили долгое время еще и мелкие каратели, отнимая у возвращавшихся на свои стоянки туземцев последнюю одежду и обувь, вырывая серьги из ушей женщин, требовали денег, а отказывавшихся убивали на глазах детей. Так шло физическое истребление населения в районах, принимавших участие в восстании.

Самый набор в тыловые дружины происходил очень плохо. Перевозкой забранных в тыловые дружины были забиты все пути. По дороге из кишлаков и аулов призванные разбежались. Непривыкшие к пешему хождению „тыловики“ сбивали себе ноги и заболели. Приходилось реквизировать подвод, так как население добровольно их не давало. На сборных пунктах не хватало продовольствия и медицинской помощи. Обуви и одежды не хватало. Многие приходили босыми в халатах, а их нужно было отправлять

на север, где в то время уже начались холода. Снова летели телеграммы от начальства реквизировать у населения обувь и одежду для тыловых дружин. Использование тыловиков вблизи фронта происходило под конвоем солдат, так как „азиаты“ работать не хотели. На каждые 10 тыловиков давался примерно один солдат. Интересно отметить, что перед Февральской революцией среди „тыловиков“ русскими солдатами велась противоправительственная агитация, встретившая с их стороны полное сочувствие. Когда началась самовольная демобилизация солдат с фронта, в первых рядах „бегунцов“ оказались среднеазиатские „тыловики“. Некоторые из них были посланы на работы на рудники, где удавалось с большим трудом использовать их в качестве рабочих.

Таким образом из всей затеи привлечения туземцев на тыловые работы получились ничемные результаты, особенно если сравнить их с теми жертвами, которые понесли туземцы и все хозяйство огромных областей. Масса убитых и раненых, обездоленных, разоренных и ограбленных людей, тысячи арестованных, заключенных в тюрьмы и отправленных в арестантские роты и на каторгу, сотни повешенных—это целое море злодеяний, которые должны быть занесены в синодик проклятого царского режима.

Ставшее у власти после свержения царизма в 1917 г. буржуазное Временное правительство никаких мер серьезного улучшения экономического положения туземного населения Ср. Азии не провело. Ни министры-„социалисты“, ни их комиссары в Туркестане не проявили никакого интереса к вопросу о возвращении туземцам земель, отобранных ранее в пользу русских переселенцев.

Тот земельный узел, который был завязан в Ср. Азии царским правительством, разрушила лишь Октябрьская революция. Это была нелегкая работа для советской власти. Широкие массы коренного населения не сразу поняли значение диктатуры пролетариата, пытаясь по своему разрешить наболевшие вопросы. Отсюда началась новая борьба туземного населения с русскими переселенцами, осложнившая задачи пролетарской революции в крае.

Сделаем некоторые выводы из самого восстания по отдельным районам. В Узбекистане его продолжительность была сравнительно невелика. Продолжительнее тянулись события в Киргизии, и наиболее длительный срок восстания мы видим в Казакстане и Туркмении, где движение продолжалось почти до Февральской революции. В огромном большинстве случаев восстание в городах продолжалось всего лишь 2—3 дня. Войсковые части справлялись с туземными городами сравнительно быстро. Гораздо труднее им было усмирять восстание в сельских местностях, и в особенности в степях и горных районах. Таким образом более длительными восстания оказались в районах скотоводческих хозяйств. Упорно отбивались от войск

иомуды, наносившие значительно больший вред противнику, чем киргизы и казаки. Казаки упорнее сопротивлялись карателям, чем население Узбекистана.

Движение киргиз, казаков и иомудов было резко окрашено в протест против захвата их земель и набора в тыловые дружины, когда как узбеки протестовали исключительно против набора их в тыловые дружины.

Изучение движения в Ср. Азии в 1916 г. по отдельным районам и республикам дает возможность установить некоторые закономерности в самом типе революционных выступлений масс колониального Востока. Так бросается в глаза факт наиболее активной борьбы в горных и степных районах. Сравнительно слабое проникновение капитализма в хозяйственный строй киргиз, казаков, иомудов, а также географическая среда оказываются обстоятельствами, которые содействуют успеху восстания. Это очень напоминает происходящие сейчас события в Китае, Индии и Индокитае, где империалисты не могут разгромить повстанческое движение в горных районах при всей своей новой технике: аэропланах, скорострельных пушках, танках и т. д.

Интересно далее подчеркнуть, что степень проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство колониальных стран и выделение из крестьянства капиталистических слоев создает иную обстановку для массового движения и по-иному окрашивает борьбу этого населения против колонизаторов. Наиболее типичными в этом отношении являются Ферганская область и районы хлопкового земледелия Турмении. Взрыв негодования масс в связи с набором в тыловые дружины направлялся в Ферганской области против своей туземной администрации и не только потому, что с ней было легко справиться: здесь выражалось определенная классовая ненависть к кулачеству, которое держало в своих руках туземное крестьянство и беззастенчиво грабило его. В то же время в степных и горных районах феодальные и полуфеодальные верхушки, сохранившие живую связь с массой, возглавляли движение (Киргизия, Казакстан, район Джизака, иомуды и др.).

Появление в отрядах туземцев разного рода „газаватских“ значков указывает на некоторые элементы влияния на восстание старых традиций, игравших такую большую роль во время первых революционных выступлений среднеазиатских народов против русских завоевателей-колонизаторов. Вместе с этим нельзя не подчеркнуть, что повстанцы местами шли и под красным революционным знаменем.

Почти во всех районах Ср. Азии, участвовавших в восстании, главной движущей силой были широкие крестьянские массы как оседлых землевладельцев, так и кочевников. К ним примыкали мелкие городские ремесленники, торговцы

и небольшие группы учащихся в узбекских районах. Между прочим отмечалось участие в восстании лиц, связанных с прежними революционными выступлениями в Ср. Азии против русских.

Таким образом восстание 1916 г. прежде всего следует признать национально-освободительным движением широких масс, попытавшихся избавиться от колониального угнетения русских империалистов в период наибольших для них затруднений. Затем это движение было главным образом крестьянским, хотя роль старых городов в крае ни в коем случае не может быть умалена, особенно в Узбекистане, где эти города играли роль „возбудителей“ движения. Нередко кишлаки и аулы поднимались, чтобы идти на помощь восставшим в городах (г. Джизак, Катта-куртан и др.).

Несомненно также, что восстание в Узбекистане сыграло роль возбудителя восстаний в Казакстане, Киргизии и Туркмени.

Попутно следует указать, что в Киргизии, Казакстане и Туркмени города почти нигде не участвуют в качестве ведущей революционной силы. Царская администрация в таких городах, как Тургай, предусмотрительно арестовала всех туземцев в городе, не считая их надежным элементом.

Далее следует отметить, что оценка восстания 1916 г. в Ср. Азии имеет для нас огромное значение в связи с тем, о чем говорилось в начале этой книги. Классовой враг пролетарской революции—кулачество—до сих пор стремится изобразить восстание 1916 г. как националистическое разбойничье движение туземных масс, фанатически настроенных муллами и феодалами против „несчастливых“ русских переселенцев. Но такая характеристика восстания 1916 г., как мы видели из предшествующего изложения, совершенно неправильна.

Туземцы ряда республик советского Востока в 1916 г. действительно подняли войну против угнетателей и в том числе и русских крестьян-переселенцев. Они боролись за свои права, за свою землю, боролись, не считаясь с тяжелыми жертвами, боролись, можно сказать, голыми руками с врагом, вооруженным до зубов новейшей техникой истребления. Эта война была столь же героична, как и те революционные выступления рабочего класса и крестьянства, которыми наполнена история царской России. Восстание туземцев Ср. Азии в 1916 г. должно быть большими буквами занесено на страницы истории, как одно из крупнейших революционных событий, как одна из первых колониальных революций на Востоке.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

16/11 1978 К

Колич. предыд. выдач

Зак. 764

6232

43544

Росск

1978